

ТАМ,
где плещет
МОРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНАСТАСИЯ УГА

Анастасия Угля
Там где плачет море

«Автор»

2026

Угля А.

Там где плачет море / А. Угля — «Автор», 2026

Восемнадцать лет — не праздник, а приговор. Лейла с детства знала: она лишь пешка в игре деда, живое напоминание о позоре матери. Её судьбу решили за завтраком — отдать зверю по имени Инан Джеллат. Тот самый, от кого бежала её мать. Тот самый, чьё имя шепчут с ужасом. Но в день её помолвки в дом врывается другой хищник. Эмре — молодой магнат, который держит в руках бизнес семьи Чиллер. Он пришёл не за деньгами. Он пришёл мстить. И его условие просто: Лейла станет его женой. Она — заложница долга, готовая сломать себя ради семьи. Он — человек, чьё сердце превратилось в лёд после смерти сестры. Их брак — не союз, а война. Но что произойдёт, когда в этой войне родится нечто большее, чем ненависть? «Я выдержу всё. Клянусь. Даже если этот брак станет моей могилой».

© Угля А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золоченная клетка.	5
Глава 2 Вот так-то лучше	12
Глава 3 Никто не заметил моего ухода	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анастасия Угля

Там где плачет море

Глава 1. Золоченная клетка.

Лейла

— Сестрёнка?

Я вздрогнула всем телом — голос прозвучал неожиданно, разрезав тишину, как лезвие. Тёплые ладони легли на мои плечи, но даже это привычное тепло не смогло растопить ледяной панцирь внутри. Исмаил. Вечно он ходит как мышка, бесшумно, невесомо, у него дар появляться из ниоткуда.

Я не обернулась. Зачем? Он и так чувствовал всё без слов. Знал, что если я сижу на террасе, закутавшись в плед до самого подбородка, и смотрю на море — значит, внутри меня штормит, даже если вода у горизонта предательски спокойна. Я молчала, потому что слова застревали где-то глубоко, превращаясь в горький комок. Да и что тут скажешь? Он и так всё понял по моему напряжённому затылку.

— Грустишь, старшенькая? — его голос прозвучал мягко, с осторожной надеждой растормошить меня, вытащить наружу хоть какую-то эмоцию.

Но нет. Только не сегодня. Сегодня внутри меня — пустота, и я не хотела, чтобы он видел эту бездонную пропасть в моих глазах. Я слишком хорошо научилась прятать боль за вежливым равнодушием.

— Я не грущу, родной, — солгала я, не отрывая завороченного взгляда от свинцовой глади моря. — Просто море Оно будто гипнотизирует. Смотрю, и не могу оторваться.

Пусть думает, что дело в красоте волн. Пусть. Так легче.

— Ну тогда, — его голос дрогнул, пытаюсь прорвать эту мрачную тишину праздником, — с днём рождения, самая лучшая в мире сестра!

На мои колени опустилась коробка. Тяжелая. Красивая. Я почувствовала, как от одного его поступка сердце сжалось в болезненном спазме. Любовь и обреченность сплелись в тугий узел.

— Спасибо, родной Спасибо тебе, — я резко, будто испугавшись, повернула голову.

Наши взгляды встретились. Я попыталась улыбнуться, растянуть губы как можно искренней, но эта улыбка вышла ломкой и почти испуганной. Я подалась вперед и быстро, как птица, клюнула его в тёплую щеку, чтобы он не успел разглядеть слёз, предательски подступающих к горлу.

— Сегодня тебе восемнадцать, ты стала совсем взрослой, — прошептал он, опускаясь рядом. Его плечо прижалось к моему, даря мнимое чувство защиты.

И тут меня прорвало. Та самая фраза, что жгла изнутри, вырвалась наружу, злая и отчаянная:

— Сегодня будет озвучен мой приговор

Я повернулась к нему, встречая его реакцию. Воздух между нами заискрился от ярости. Исмаил замер на секунду, а затем на его лице начали ходить желваки — тугие, каменные. Гнев вспыхнул в его глазах, испепеляя остатки праздника. Он разозлился. Не на меня — на судьбу, на безысходность.

Мы оба замолчали, оглушенные правдой.

Потому что в самый «счастливей» день я думаю о приговоре. Потому что я, он, мама — мы не просто семья Чиллер. Мы лишь отголоски, бледные тени позора двадцатилетней

давности, который до сих пор дышит нам в спины. И этот груз крови и памяти тяжелее любого подарка, который может подарить брат.

Мы оба, как по команде, отвернулись к морю. Чёрная гладь Карадениза дышала равнодушно и тягуче, а мы сидели плечом к плечу, но каждый — в своём аду. Тишина между нами звенела от невысказанных мыслей, от страха, который мы даже не смели произнести вслух. Каждый думал о своём, но, Аллах, как же горько это «своё» было общим.

Из глубины дома, словно удар хлыста, донёсся звонкий голос с кухни. Я вздрогнула так, будто меня застали за чем-то запретным. Сердце забилось где-то в горле, панически отсчитывая секунды.

Пять минут. Аллах, дай мне ещё хотя бы пять минут.

Мне необходимо это мгновение тишины, чтобы собрать себя по кускам. Всего пять минут, чтобы запрятать дрожь в пальцах, чтобы нацепить на лицо маску смирения и шагнуть в этот день — в день, который пахнет не тортом и свечами, а гарью чужого позора. Я почти заставила себя подняться, натягивая нервы, как струны, почти улыбнулась собственному мужеству...

И вдруг услышала мамин голос.

Я обернулась резко, с застывшей надеждой в глазах. Мама стояла в проёме террасы, такая хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, которую разбили, а потом неумело склеили. В её глазах плескалось море боли, куда более глубокое, чем то, что шумело за нашими спинами.

— Доброе утро, дети, — её голос дрогнул, пытаясь быть ласковым, но сорвался в хрип. — С днём рождения тебя, моя девочка.

Она посмотрела на меня, и в этом взгляде было столько нежности, что у меня перехватило дыхание. А потом мама отвела глаза — трусливо, виновато, будто не имела права смотреть на собственного ребёнка. Её губы задрожали, и она выдохнула шёпотом, от которого у меня кровь застыла в жилах:

— Прости меня, моя принцесса... Если бы не я, если бы не моя ошибка, у тебя сейчас, возможно, была бы другая судьба...

Эти слова — как пощёчина. Как нож в солнечное сплетение.

Коробка с подарком брата с глухим стуком упала на плед. Я подорвалась так, будто под ногами разверзлась пропасть, и буквально влетела в маму, сгребая её в охапку так крепко, что кости затрещали. Я прижалась к ней всем телом, пытаюсь закрыть собой от всех её призраков.

— Мамочка, родная! — слова вырывались из меня горячей лавиной, сбивчиво, страстно, вперемешку со слезами. — Не смей! Ты не виновата, слышишь?! Никогда, ни-ко-гда не вини себя!

Я отстранилась на секунду, заглядывая в её заплаканные глаза, и заговорила твёрдо, почти яростно, давая клятву, которую нарушить не имела права:

— Я вынесу всё, слышишь? Кому бы меня ни отдал дед, какой бы кошмар он ни придумал — я справлюсь. Клянусь тебе, всё будет хорошо! Я сильная... Я твоя дочь, мама. В твоих жилах течёт сталь, и в моих тоже. Я выдержу, обещаю. Только не грусти, умоляю тебя... Не рви мне сердце, пожалуйста, живи...

Я гладила её вздрагивающую спину и чувствовала, как внутри, на пепелище страха, рождается дикая, отчаянная решимость. Пусть этот день станет приговором — я не позволю ему сломать нас. Я выстою. Обязана.

Я снова не услышала. Снова. Исо умеет быть невидимым, бесшумным, как тёплый ветер, но когда его руки обвили нас с мамой, я почувствовала эту стальную, почти мужскую хватку. Мой шестнадцатилетний защитник. Мой маленький брат, который вырос слишком рано, потому что детство у нас украли. Он прижался к нам с двух сторон, зарываясь лицом куда-то в наши плечи, и что-то шептал — горячо, прерывисто, отчаянно. Его слова тонули в шуме крови, пульсирующей в висках, но их смысл я поняла без слов. Он обещал. Он клялся. Он хоронил свой страх, чтобы стать нашей опорой.

Я зажмурилась на секунду, впитывая это горькое, обжигающее тепло семейных объятий — единственное, что было настоящим в этом холодном доме. А потом из кухни снова донеслись резкие, требовательные голоса. Реальность грубо вторглась в наш хрупкий кокон, разрезая его на лоскуты.

Я отстранилась первая. Всегда первая. Потому что долг зовёт, а наказание за слабость здесь страшнее ножа.

— Пора идти, — выдохнула я, переводя взгляд с заплаканных маминых глаз на напряжённое лицо Исо. Мой голос прозвучал глухо, будто из-под земли. Ни слёз, ни дрожи. Маска на месте.

Мама тоже разомкнула объятия, словно нехотя, будто отпускала нас в клетку ко львам. Она выпрямила спину и заговорила деловито, пряча боль за рутинной:

— Да, ты беги, переодевайся. Затем спустись на кухню, посмотри, чем можно помочь Сезен.

Она перевела взгляд на Исо, и в её глазах на миг мелькнула та самая материнская строгость, за которую мы цеплялись как за спасательный круг:

— А ты, молодой человек, бегом надевать школьную форму! Встретимся в столовой.

Я сорвалась с места и побежала в свою комнату. Быстро, чётко, не оглядываясь — потому что сегодня мне совершенно, смертельно не хотелось злить деда. Я знала правила этой игры: не дать повода, не дышать громко, не существовать, пока не спросят.

Хотя, кого я обманываю? Арслан Ага и так вечно зол. Его раздражение висело в воздухе этого дома густым, удушливым смогом. Я сбилась со счёта, сколько лет слышу одно и то же, брошенное сквозь зубы, как кость собаке:

— *Лейла, у тебя руки не из того места растут!*

— *Лейла, твой учитель сказал, что ты позорно написала эту работу!*

— *Лейла, твоё место на кухне, не строй из себя хозяйку!*

И дальше, дальше, бесконечный поток иголок под кожу. За те годы, что я здесь, это место так и не стало мне домом. Огромные стены давили, а не защищали. Люди, что спали под этой крышей, дышали со мной одним воздухом, так и не стали родными. Они остались чужими. Нет. Хуже — они стали моими надзирателями.

А всё почему? Потому что моя мамочка Саян посмела сбежать. Посмела полюбить, посмела послушаться, сбежала со своей помолвки к моему погибшему отцу Кахраману. Только вот отец оказался далеко не героем — пустышка, мираж, разбитая мечта. И когда его не стало, мама, ища спасения, приползла обратно в дом моего деда, раздавленная и униженная.

Арслан Ага и Чичек Ханым «приняли» нас. Двери открылись. Но сердца — нет, никогда.

Для меня и Исмаила они так и не захотели стать заботливыми бабушкой и дедушкой. Ни одной тёплой сказки на ночь, ни одного ласкового прикосновения. Для моей мамы они так и не смогли вернуться в образ любящих родителей. Всё, что читалось в их глазах, когда они смотрели на нас — это ледяное презрение пополам с брезгливостью. Мы были для них живым напоминанием о позоре. Отголосками. Пятнами, которые невозможно отстирать. Мы были приговором, а сегодня этот приговор зачитают мне. Вслух. На восемнадцатилетие.

Я почти влетела в спасительную тишину, дверная ручка уже холодила разгорячённую ладонь. Рывок. Шаг. И в этот момент прямо над ухом, как змеиное шипение, раздался голос, от которого кровь свернулась бы у кого угодно. Но я не вздрогнула. Привыкла. Мои нервы — туго натянутые канаты, их не так просто порвать.

— Ой, Лейлушка, моя дорогая...

Дамла. Сладкий яд в каждом слоге. Её рука хищно легла мне на плечо, и тонкие пальцы сжались с такой силой, что я едва сдержалась, чтобы не зашипеть от боли. Синяки будут. Как всегда.

— У тебя сегодня такой радостный день! — проворковала она, и я спиной почувствовала её мерзкую, торжествующую улыбку. — Дедушка наконец-то скажет, кому он отдаст тебя в жёны. Волнуешься, милая?

Она подалась ближе, и её дыхание обожгло моё ухо.

— Хочешь, скажу кто он?

Пауза, наполненная садистским наслаждением. Я слышала, как она хмыкнула, смакуя момент.

— Инан Джеллат. Сын Коркюта Джеллата... — имя повисло в воздухе, как лезвие топора. — О да, ты наконец-то сможешь смыть позор своей матери! Своей шкурой заплатишь за её грешок. А ещё знай, Лейлушка... Инан — очень, очень жестокий человек. Зверь в человеческом обличье. — Её голос задрожал от восторга. — Так что... начинай считать дни до своей смерти.

Она расхохоталась. Громко, заливисто, запрокинув голову. Этот смех вонзался в меня острыми осколками, разрывая остатки утреннего спокойствия. Перед глазами на мгновение всё поплыло.

Инан Джеллат. Сын того самого Коркюта, от которого моя мама сбежала двадцать лет назад. Человек, чьё имя перешёптывают с ужасом даже слуги. Страшно ли мне стало? До дрожи в коленях. До ледяного пота на затылке. Каждая клеточка моего тела завопила в первобытном ужасе, но я затолкала этот крик глубоко-глубоко, в самый тёмный подвал души. Выбора нет. Если дед назовёт это имя, мне останется только одно: сломать себя окончательно, смять свою гордость в труху и покорно склонить голову. Я не имею права на бунт. Потому что каждый мой проступок Арслан Ага выместит на маме и Исмаиле. Я должна их защитить. Я щит. Я стена. Я кость, которую бросят псам, лишь бы они не тронули мою семью.

Поэтому я развернулась к Дамле, и на моём лице расцвела улыбка. Та самая, которую я оттачивала годами: вежливая, лёгкая, непроницаемая. Ни намёка на страх. Ни тени безысходности. Только лёд и сталь под шёлком.

— Дамла, милая, — пропела я почти ласково, заглядывая ей прямо в глаза. — А ты, наверное, не в курсе, что должна делать девушка, войдя в дом мужа, чтобы его не злить?

Я выдержала паузу, чувствуя, как она слегка опешила от моего тона.

— Быть покорной, дорогая. Всего-то. А я за эти годы, знаешь ли, в совершенстве овладела этим искусством.

Я медленно, нарочито брезгливо оглядела её с головы до ног, задержав взгляд на её перекошенном от злобы лице. Моя бровь выгнулась в насмешливом презрении.

— А вот тебя-то кто возьмёт замуж, Дамла? С таким стервозным характером и насквозь гнилой, пропахшей завистью душой?

Она открыла рот, задохнувшись от ярости, но я не дала ей сказать ни слова. Хлопнула дверью прямо перед её носом. Глухо. Отсекая её злобу. Отсекая её смех.

А потом наступила тишина.

Я прислонилась спиной к двери и медленно, обессиленно сползла вниз, опираясь рукой о косяк. Ноги не держали. Сердце колотилось так, будто хотело разорвать грудную клетку и сбежать из этой реальности. Мне нужна передышка. Снова. Хотя бы глоток тишины, хотя бы пара минут, чтобы собрать себя по кускам.

Мои кузины — это стая шакалов, которые вечно пытаются ковырнуть глубже, задеть словами так, чтобы остались шрамы. И Дамла сегодня почти преуспела. Почти.

Я прижала ладони к лицу, чувствуя, как горят щёки, и прошептала в пустоту комнаты:

— Мама... Исо... Я справлюсь. Клянусь, я справлюсь... Я выдержу всё.

Я сделала глубокий вдох — так глубоко, как только позволяли сжатые рёбра. Задержала воздух в лёгких, чувствуя, как он обжигает изнутри, а затем медленно, со свистом выдохнула. И в этот самый момент что-то внутри меня перешёлкнуло. Хрустнуло, как сломанная кость, и

срослось заново — крепче прежнего. Страх никуда не делся, он всё ещё шипел где-то на дне души, но теперь я посадила его на цепь. Я смогу свернуть горы. Я обязана.

Я встала на ноги. Твёрдо. Колени больше не дрожали.

К шкафу я подошла с решимостью солдата перед боем. Выбор пал на лёгкий светлый сарафан — невинный, почти детский, — а сверху набросила мягкий кардиган, словно доспехи из шерсти и надежды. Подошла к зеркалу, встретилась взглядом с собственным отражением. Бледная. Глаза горят лихорадочным, сухим огнём. Нет, так не пойдёт. Я расчесала волосы, выдирая колтуны с какой-то злой методичностью, и собрала их в тугой высокий хвост — до боли, до натянутой кожи на висках. Затем лёгкими, почти невесомыми движениями нанесла пудру на щёки, маскируя лихорадочный румянец. Отражение больше не выглядело плавающим. Теперь на меня смотрела фарфоровая кукла с ледяным спокойствием во взгляде. Идеально.

Я направилась на кухню. Каждый шаг гулко отдавался в висках: *"Я сильная. Я справлюсь. Я их защищу"*.

На кухне кипела работа — жаркая, пряная, исходящая паром и ароматами специй. Султан Ханым священнодействовала у плиты, где на трёх конфорках разом шипел и булькал Менемен, распространяя запах томатов и яиц. Моя Сезен, ловкая и быстрая, как лесная белка, нарезала Тефтели-бёрек — ритмично, почти музыкально стуча ножом. Юная Назлы, тоненькая и большеглазая, раскладывала по тарелкам белоснежный сыр и маслянистые оливки. Моего прихода никто не заметил. Я на секунду замерла на пороге, впитывая этот уютный шум, словно воду в пустыне. Единственный островок тепла в этом ледяном доме.

И вдруг, не оборачиваясь, не сбиваясь с ритма, Сезен подала голос:

— Госпожа Лейла, доброе утро. Порежете, пожалуйста, овощи?

В её голосе искрилась улыбка. Я услышала её, даже не видя лица. И от этого тепла у меня чуть дрогнули губы.

— Доброе утро, моя Сезен! — отозвалась я, направляясь к раковине, где уже дожидались овощи. — Не знаю, как ты каждый раз это делаешь... Не оборачиваясь, понимаешь, что это я пришла. У тебя глаза на затылке?

— Госпожа, — пропела Сезен мелодично, как птичка, — вы входите почти каждое утро в одно и то же время. Вас можно сверять по часам, честное слово!

Я усмехнулась, включая воду. Прохладная вода заструилась по пальцам, смывая остатки страха. Я намыла овощи и взялась за нож, сосредоточенно нарезая их и раскладывая по тарелкам. Мерная работа успокаивала. Нож стучал по доске, в голове прояснялось.

Но идиллия длилась недолго. Воздух на кухне резко сгустился, и я спиной почувствовала чужое присутствие. Ядовитое. Липкое.

— О-о-о, маленькая позорница, и ты тут.

Тётя Серпиль вплыла на кухню, как хищная рыба в мутный пруд. Её улыбка была настолько широкой, что я на мгновение всерьёз испугалась — как её лицо не треснуло пополам от этого оскала?

— Что, мать твоя уже попрощалась с тобой, милая? — протянула она, смакуя каждое слово. — Поплакала в подушку? Или сразу смирилась, что её драгоценную доченьку скормят тому, от кого она сама двадцать лет назад сбежала?

Нож в моей руке замер на долю секунды. Всего на долю. Я сделала спокойный вдох и повернулась к ней, и на моём лице играла точно такая же сладкая улыбка, как у неё. Зеркальная. Ядовитая в своей вежливости.

— И вам доброе утро, тётушка Серпиль! — пропела я елеинным голоском, от которого даже мёд бы прокис от зависти. — Как ваше настроение? Полагаю, прекрасное? Вы сегодня так чудесно выглядите! Вам очень идёт этот оттенок... зависти в глазах.

Она не ответила. Ни слова. Только её ноздри гневно раздулись, а челюсть сжалась так, что я услышала скрип зубов. Она бесилась. О, как же её бесило моё спокойствие! Как она мечтала увидеть мои слёзы, мой страх, мои мольбы! Но я не дарила ей этого удовольствия.

Я вернулась к овощам с лёгкой улыбкой победителя.

Через десять минут всё было готово. Стол в столовой сервирован идеально — безупречно, как и всегда. Скатерть сияла белизной, приборы выстроились по линейке, блюда источали ароматы, достойные султанского пира. Мы расселись по местам. Все, кроме него. Все члены семьи ждали, затаив дыхание, не смея притронуться ни к одному блюду.

Тишина звенела. Где-то в коридоре раздался мерный, тяжёлый стук.

Арслан Ага вошёл, опираясь на трость. Каждый его шаг гулко отдавался в паркете, как удары барабана перед казнью. Мы встали. Все, как по команде. Единый организм, подчинённый его воле. Он двигался медленно, величественно, наслаждаясь властью, которой дышал каждый угол этого дома. Дошёл до своего места, окинул нас тяжёлым, немигающим взглядом и небрежно махнул рукой.

Мы сели. Синхронно. Бесшумно.

Никто не смел приступить к трапезе, пока он не возьмёт первый кусок. Он знал это. Мы знали это. Воздух дрожал от напряжения. Наконец его рука потянулась к хлебу. Он разломил лепёшку, и только тогда, словно по щелчку невидимого метронома, все взялись за приборы.

Я смотрела в свою тарелку, чувствуя, как его взгляд на секунду задержался на мне. Тяжёлый. Оценивающий. Слово он прикидывал цену, за которую сегодня меня продаст. И я знала — за завтраком он объявит имя. Моя судьба решится за этим столом, среди звона фарфора и аромата свежего хлеба.

Тридцать минут. Целая вечность.

Завтрак тянулся невыносимо долго, и в этой тишине было что-то неестественное, злое. Обычно за этим столом слова режут острее ножей: колкие фразы летят в нас, как отравленные дротики, а взгляды прожигают насквозь, клеймя позором. Но сегодня — тишина. Густая, вязкая, как патока, в которой можно утонуть. Никто не бросает в нашу сторону привычного яда. Никто не сверлит нас взглядом, полным ненависти. И от этой непривычной тишины мне становилось только страшнее. Как перед бурей. Как перед казнью.

Это дед так подготовил почву? — пронеслось в голове. Что ж, хитро. Даже мудро, если бы не одно «но». Все те годы, что длилось издевательство над нашими душами, не вычеркнуть одним утром фальшивого перемирия. Я не куплюсь. Моя спина помнит каждую рану, моё сердце — каждое брошенное в нас оскорбление. Эту пропасть не засыпать вежливым молчанием за завтраком.

Я сидела, опустив глаза, но из-под ресниц вела пристальное, цепкое наблюдение. Смотрела, как двигаются его руки, как он жуёт — медленно, с достоинством падишаха. И когда Арслан Ага отложил прибор, когда его ладонь накрыла салфетку, а сам он повернулся к бабушке и едва заметно кивнул — сердце внутри меня оборвалось и рухнуло куда-то в пятки.

Час настал.

Чичек Ханым поднялась со своего места. Её стул царапнул паркет с мерзким, режущим ухо скрипом. Она обернулась к помощницам, застывшим у стены, и её голос разрезал тишину как хлыст:

— Султан, вы можете ступать по своим делам.

Султан Ханым коротко кивнула и торопливо, почти бегом, покинула столовую. За ней, как испуганные мышки, поспешили Сезен и Назлы. Моя Сезен на мгновение задержала на мне взгляд, и в её глазах я прочитала безмолвное: «*Держись, госпожа*». А потом двери закрылись, отрезая нас от кухни, от тепла, от любых свидетелей.

Мы остались одни. Семья. Клетка с хищниками и их жертвами.

Бабушка опустилась обратно на стул, сложив руки на коленях, как статуя. И тогда заговорил дед. Его голос — низкий, рокочущий, привыкший к беспрекословному подчинению, — заполнил комнату до краёв.

— Знаете, что такое семья?

Я внутренне напряглась. Сейчас начнётся представление.

— Это люди, которые в любой момент жизни готовы подставить друг другу плечо. Поддержать вас в самой сложной жизненной ситуации...

Я едва сдержала горькую усмешку, которая так и рвалась наружу. Боже, какие высокие слова! Как красиво они звучат — и как фальшиво, как пусто они звенят в этих стенах! Плечо? Поддержка? Где были эти плечи, когда моя мать, раздавленная горем, приползла к вам за помощью? Где была эта хваленая поддержка, когда вы годами втоптывали нас в грязь, смешивали с пылью, травили, как дворовых собак?! Не смей, старик. Не смей говорить о семье.

А он продолжал, не замечая моей безмолвной ярости:

— Мы сидим за одним столом, делим один кусок хлеба, но от этого мы семьёй не становимся. Мы сплываемся только тогда, когда над нашим домом сгущаются тучи.

Он сделал паузу, обводя нас тяжёлым взглядом. Я чувствовала, как напряглась мама рядом со мной, как замер Исо, сжав кулаки под столом.

— К сожалению, сейчас они как никогда сгустились. Не буду углубляться в подробности, скажу только: они немного развеялись после вчерашнего дня. Наш бизнес переживает трудные времена... Но нам повезло. Вчера я подписал очень и очень выгодный контракт. Сегодня к нам в дом из Стамбула приедет молодой бизнесмен, который спас нашу фирму от краха.

Сердце застучало где-то в горле. Я уже знала, что будет дальше. Знала — и всё равно оказалась не готова.

— И также сегодня у нас есть ещё два повода. День рождения моей внучки... — он произнёс это слово так, будто выплюнул кость, застрявшую в зубах. Столько фальши, столько приторного, наигранного яда было в его голосе. — Лейлы. Поздравляю, Лейла. Тебе сегодня восемнадцать.

Он посмотрел на меня. Впервые за весь завтрак — прямо. И в этом взгляде не было ни грамма тепла. Только холодный, циничный расчёт. Оценщик, глядящий на товар.

— И сегодня состоится твоя помолвка. Благодаря твоему браку мы наконец-то смоём позор двадцатилетней давности, который навлекла на нас твоя мать.

Мама за моей спиной беззвучно всхлипнула, и этот звук — тихий, задавленный — был страшнее любого крика. Исо напрягся так, что я услышала, как хрустнули его пальцы.

А дед, не сводя с меня глаз, произнёс, словно зачитал приговор:

— Твоим женихом станет Инан Джеллат.

Имя упало в тишину, как камень в колодезь. Глухо. Бесповоротно.

В моей груди что-то оборвалось. Не сердце — нет, оно всё ещё билось, хотя я уже не чувствовала его тепла. Оборвалась последняя, тонкая, как паутинка, ниточка надежды. Инан Джеллат. Сын того самого человека, от которого сбежала моя мать. Жестокий. Безжалостный. Монстр.

Я подняла глаза на деда, и мои губы растянулись в ледяной, безупречно спокойной улыбке.

— Благодарю, дедушка, — произнесла я звонко и чётко. Ни дрожи. Ни слезинки. — Это большая честь для меня — служить интересам семьи.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или удивление. Но мне было всё равно. Я уже начала считать дни до своей смерти — ровно так, как и предсказывала Дамла. И единственное, о чём я молилась про себя: *«Пусть он заберёт только меня. Только меня. Маму и Исо не трогайте... Пожалуйста, не трогайте».*

Глава 2 Вот так-то лучше

Эмре

Сегодня тот самый день. День, когда воздух пропитается порохом, а само небо услышит мой приговор. Я объявляю войну. Открытую, беспощадную, кровавую. Моя цель — Инан Джеллат. Пёс. Мразь. Мой самый лютый враг, одно имя которого обжигает горло желчью.

Я ведь мог оборвать его жалкую жизнь ещё пять лет назад. Мог хладнокровно всадить ему пулю в лоб прямо там, среди надгробий и чёрных вуалей, на похоронах моей Сонай. Рука не дрогнула бы. Палец уже ласкал курок, представляя, как его грязная кровь пропитает землю, в которую опускали гроб моей любимой старшей сестры. Сладкая, быстрая месть. Но меня остановил Умут. Мой друг. Мой партнёр. Он вцепился мне в плечо ледяной хваткой и выдохнул прямо в душу слова, которые перевернули всё:

— Эмре, ты, конечно, можешь застрелить его прямо сейчас и сгнить в тюрьме за этого пса. Но тогда ему достанется слишком лёгкая смерть. Подарок судьбы, а не наказание. Эта тварь забрала у вашей семьи Сонай, он вырвал сердце из вашей груди. Так неужели ты подаришь ему быстрый конец? Нет, брат. Ты должен поступить иначе. Забери у Инана Джеллата то, на что он только посмеет позариться. Сделай его жизнь адом, растяни его агонию на годы.

И я согласился. В тот самый миг я подписал ему смертный приговор, но с отложенной казнью. Я приставил к этому ублюдку тень — человека, который считал каждый его вдох, каждый трусливый взгляд и каждую ночь, прожитую им на этой земле. Пять долгих лет моя невидимая рука сжималась на его горле, а он, слепой щенок, даже не заметил, что ходит по краю могилы.

И вот неделю назад тишина разорвалась. Мне донесли вести, от которых кровь закипела в жилах. Инан Джеллат собрался жениться. Мало того — он решил породниться и связать себя партнёрством с семьёй Чиллер. Где-то на задворках сознания мелькнуло смутное эхо об этой фамилии, но лично их я не знал. Это не важно. Важно то, что он сам, своими руками, дал мне то самое оружие. Мои люди скинули мне все явки и пароли, всю его грязную подноготную.

Шесть дней и шесть бессонных ночей. Я, Умут и Дорук — мы втроём, склонившись над документами, создавали шедевр ненависти. Мы вытачивали первый тизер грядущей бойни так, как ювелир гранит бриллиант. План, от которого у него кровь застынет в жилах. Никакой быстрой смерти. Я пушу его по миру медленно, шаг за шагом. Я разорю эту гнилую душу, вырву всё, чем он дорожит, и заставлю его ползти на коленях к собственному краху, моля о пощаде, которую он никогда не получит.

Финальный акт начинается. Сонай, я сделаю это ради тебя.

Стальные птицы судьбы опустили меня на землю Трабзона. Пять лет моя нога не касалась этой проклятой и одновременно родной земли. Последний раз я стоял здесь, когда мы с отцом, окаменевшие от горя, забирали бездыханное тело моей сестры из самого логова врага. Из дома, где пировали убийцы. Тогда я улетал с трупом Сонай на борту, а сегодня вернулся с войной в сердце.

Спускаясь по трапу, я чувствовал, как холодный ветер кусает лицо. У самого самолёта меня уже ждал чёрный, хищный автомобиль. Мой личный водитель застыл у распахнутой двери безмолвной статуей. Но прежде, чем нырнуть в кожаное нутро салона, я поднял глаза к небесам. Будто ища там знак или благословение Сонай. Небеса молчали, затянутые в тяжёлый, свинцовый панцирь туч. Хмурые, серые, равнодушные облака давили на плечи. А мне так хотелось солнца. Чтобы свет резал глаза, чтобы погода вторила моей ярости, разделяла со мной мой лютый, голодный настрой на этот день. День, когда запустится механизм возмездия.

Я сел в машину. Водитель, мужчина лет сорока пяти, облачённый в строгий траур делового костюма, с тихим, почтительным стуком захлопнул за мной дверь, отрезая меня от внеш-

него мира. Теперь мы были в нашей крепости на колёсах. Впереди, рядом с водителем, сидел Мустафа — мои глаза, мои уши, моя верная тень на этой операции. А бок о бок со мной, расслабленно откинувшись на сиденье, уже ждал Умут. Он прилетел на сутки раньше, чтобы поставить жирную точку в одной важной игре — контракте с семьёй Чиллер.

Машина мягко, словно хищник перед прыжком, тронулась с места. Я резко повернул голову к другу, игнорируя любые прелюдии. В моём горле клокотал только один вопрос, один раскалённый добела интерес.

— Подписал? — выплюнул я без приветствий, сверля его взглядом.

Умут картинно схватился за сердце, изображая смертельную обиду. В этом был весь он — даже на краю бойни он оставался артистом.

— И тебе привет, друг мой! У меня всё в порядке, спасибо, что спросил! Чувствую себя превосходно! А как твои дела? — прощепетал он, источая сарказм.

Я сжал челюсть так, что заскрипели зубы. Нервы, натянутые как струны, готовы были лопнуть.

— Умут, дружище, — мой голос сорвался на звериный рык, — скажи мне прямо сейчас, ты поставил эту чёртову подпись на этом проклятом контракте?!

В ответ он рявкнул с той же силой, но в его глазах плясали озорные искры:

— Конечно! — он выдержал паузу и приподнял бровь, состроив комично-обиженную мину. — Или ты смеешь сомневаться в моих способностях? Называет себя близким человеком... Вот так всегда, а? Эх, надо было мне идти в театральный. Талант пропадает! Гибнет, чахнет, уходит в никуда!

Ледяная корка напряжения внутри меня треснула. Я выдохнул и позволил себе тёплую, добрую усмешку, глядя на эту клоунаду.

— Умут, брат мой, — я покачал головой, чувствуя, как на секунду отпускает хватка боли, — не в театральный тебе надо было. Тебе бы в клоуны. Ох, какие бы ты деньги делал... Какие деньги.

И мы оба тихо рассмеялись. Это был короткий, но искренний смех двух волков, готовых к прыжку. Умут всегда так делал — одной своей дурацкой, острой как бритва шуткой он мог разрезать даже самую гнетущую тишину, выпустить пар из перегретого котла моей ярости. Но время не ждало. Сегодня каждая секунда тикала как бомба с часовым механизмом. Именно сегодня этот пёс Джеллат, эта гнилая душа, возомнил, что может осчастливить собой внучку главы семьи Чиллер. Помолвка? Союз? Как бы не так. Кто ему позволит? Я? Нет, пусть даже не мечтает.

Я сделал вдох и переключился. Игривый блеск в глазах сменился холодной, расчётливой сталью. Разговор перешёл в ту плоскость, где слова стоят денег и крови.

— Умут, — голос стал жёстким, деловым, — из Чиллеров хоть кто-то удосужился прочитать то, что подписывает?

— Нет. — Умут пожал плечами, в его тоне звенело презрение пополам с азартом. — Меня это, честно говоря, поразило. Но нам же лучше. Они же видели проект договора заранее, проверили его своими юристами, поэтому спокойно клюнули на этот вариант, даже не заподозрив, что под капотом у нашего контракта сидит дьявол.

И вдруг этот клоун расцвел в широченной, предвкушающей улыбке, от которой у любого врага кровь застыла бы в жилах:

— Ух, я представляю лицо Арслана, когда ты ему скажешь, как он облапошился! Вот это будет зрелище. Жалко, попкорн не взял.

— Не переживай, — я хищно оскалился, глядя в окно на приближающийся особняк. — Через полчаса ты увидишь это лицо вживую. Когда я выдвину ему все условия и с ледяной улыбкой объясню, что его бизнес теперь в моих руках. А что по девушке?

Тут Умут вздохнул, и его лицо неуловимо изменилось. Даже его вечная клоунская маска дала трещину, обнажив что-то похожее на сочувствие.

— Ой, что по девушке... — он покачал головой, подбирая слова. — Она в заточении, Эмре.

Я вздёрнул бровь, не понимая.

— В прямом, — пояснил он с горечью. — Она не выходила одна из особняка никогда. Никогда, представляешь? В отличие от своих кузин, которые змеями выются по светским приёмам. Для старика Арслана и она сама, и её мать, и брат — это позор семьи, грязь, которую он безуспешно пытается смыть. Мне нужны были глаза и уши в том гадючнике, и я нашёл их ещё из Стамбула. Одна служанка, простая женщина, у которой сердце кровью обливается за Лейлу... Она мне всё и поведала.

Умут замолчал на секунду, подбирая слова, и в этой паузе повисла вся тяжесть чужого горя.

— Дед её презирает, Эмре. Люто, до зубовного скрежета. Она для него не человек, не родная кровь, не внучка. Она — товар. Ходячий актив, который сегодня можно выгодно продать Джеллату. Он поднимал на неё руку, если ему что-то не нравилось в её поведении. Вся эта «любящая семейка» унижает её и держит за прислугу, за пыль под своими дизайнерскими туфлями. Единственное, на что он расщедрился — позволил ей учиться, но только затем, чтобы повысить её цену на рынке невест. Преподаватели приходили на дом. В четырёх стенах. В золотой клетке.

Он перевёл дыхание и закончил уже тише, с какой-то тяжелой эмпатией:

— Насколько я понял, девочка грезит об учёбе и мечтает только об одном — вырваться из цепких, мертвых лап деда. Но сегодня, когда ей объявили имя жениха, она даже не пикнула, не взбрыкнула. Просто молча согласилась. Потому что знает: один неверный шаг — и дед сотрёт в порошок её мать и брата. Она защищает их ценой собственной жизни.

В салоне повисла звенящая тишина. Я переваривал услышанное, и где-то глубоко внутри, под коркой льда и стали, шевельнулось что-то похожее на уважение к этой незнакомой пленнице.

— Да уж... — выдохнул я, подводя итог. — Не повезло ей с семьёй.

Я перевёл взгляд за окно. Машина плавно замедляла ход. Сквозь тонированное стекло я увидел, как тяжёлые ворота медленно разъезжаются в стороны. Мы подъехали к особняку семьи Чиллер. Сердце ударило ровно, тяжело. Всё. Финал этой игры начинается прямо сейчас.

Водитель распахнул дверь с моей стороны, и я ступил на землю. Медленно, не торопясь, я распрямился во весь рост и прошёлся взглядом по участку — цепким, сканирующим, хозяйским. Особняк ослеплял белоснежными стенами, будто пытался притвориться невинностью. Балконы, увитые резным деревом ручной работы, изгибались так изящно, словно сам дом дышал. Вокруг буйствовала зелень — идеально подстриженные кусты, деревья, чьи кроны явно знали прикосновение не просто садовника, а настоящего художника. Каждая травинка, каждый листок подчинялись строгой геометрии. А прямо напротив парадного входа, переливаясь хрустальными брызгами, красовался аккуратный фонтан. Вода пела свою тихую, беззаботную песню.

Дом впечатлял. Он давил красотой, входил в душу обманчивым уютом. И от этой мысли мне стало горько и мерзко одновременно. Если не знать, какие змеи населяют эти стены, можно ведь и правда решить, что здесь живёт счастливая семья. Что за этими окнами звенит смех, а не сдавленные слёзы Лейлы. Что здесь царит любовь, а не презрение старика, превратившего родную кровь в товар. Фальшивый рай. Позолоченная клетка. Но ничего, скоро золото облезет.

Не знаю, сколько бы я ещё простоял так, сверля взглядом этот фасад и примеряя на себя роль вершителя судеб, но от мыслей меня оторвала твёрдая, тяжёлая ладонь, легшая на плечо. Умут. Он не сказал ни слова — только поймал мой взгляд и едва заметно дёрнул подбородком:

«Давай. Пора». Никаких больше промедлений. Мы шагнули вперёд одновременно, как два клинка, вынутые из ножен.

Я машинально глянул на наручные часы. 17:30. Отлично. Стрелки замерли в идеальной точке. Помолвка начнётся только через два часа. А значит, в моём распоряжении целых полтора часа, чтобы втолковать Арслану Чиллеру простую, как выстрел, истину. Его внучка не выйдет за Джеллата. Не сегодня. Никогда. Иначе — и это не угроза, а констатация факта — он потеряет всё. Свой бизнес, свой доход, своё влияние. Всё, чем он дышал и на что молился, в один миг окажется в моих руках. И я сожму пальцы.

У массивных дверей особняка нас уже ждали. Супружеская пара застыла в неестественно вежливых позах — идеальные манекены для фасада этого фальшивого рая. Я принципиально не смотрел фотографии этой семейки заранее. Хотел увидеть их лица вживую, считать микродрожь в голосе, уловить запах страха или гордыни. Поэтому, стоило нам приблизиться, как мужчина сам шагнул вперёд, расточая показное радушие.

— Добрый день, Эмре бей, добро пожаловать! — он протянул руку.

Ладонь у него была сухая, но пожатие чересчур старательное, словно он пытался заранее выслужиться.

— Я Алтай, старший сын Арслана аги, — представился он с той особой гордостью, какая бывает только у наследников, ещё не понявших, что наследство могут и отобрать. — А это моя супруга Серпиль.

Женщина едва заметно кивнула, изобразив тень улыбки. Я оценил их обоих одним колющим взглядом и перевёл его на Умута.

— Очень приятно, Алтай бей, — мой голос звучал ровно, как натянутая струна. — Полагаю, с моим партнёром вы уже знакомы.

— Да, конечно! — Алтай засуетился, отодвигаясь от двери и освобождая проход. Жест был широким, приглашающим, но в нём читалась тайная молитва: «Только бы всё прошло гладко». — Прошу, проходите. Прямо по коридору гостиная, где уже все собрались.

Я шагнул вперёд, и мои каблуки ударили по мраморной плитке пола сухим, звонким эхом. Умут двинулся за мной, молча, но я спиной чувствовал его собранность. Внутри дом оказался вылизан до стерильности: всё в светлых, кричащих о дороговизне тонах. Каждый квадратный метр этого холла вопил о богатстве, но молчал о душе. Справа убежала на второй этаж широкая лестница, слева темнела дверь в неизвестную комнату, а прямо перед нами распахивался огромный арочный проём. Там, в глубине, уже всё сверкало и блестело, украшенное к церемонии помолвки. Цветы, ленты, позолота. Они всерьёз готовятся к празднику. Глупцы. У них осталось всего пять минут на это неведение. Всего каких-то пять минут — и я разнесу этот карточный домик по кирпичикам.

Я переступил порог гостиной, и передо мной мгновенно восстала картина, достойная пера летописца. С одной стороны, в столовой зоне, тянулся исполинский стол, ломившийся от яств. Блюда громоздились друг на друга, источая ароматы специй, — пир во время чумы. С другой стороны, у камина, чей огонь плясал слишком весело для этого склепа, стояли три дивана, расставленные буквой «П». Там и сидело это змеиное гнездо: трое мужчин и одна женщина в возрасте. Её лицо, покрытое сеткой морщин и напускной мудрости, я узнал безошибочно — супруга Арслана. Рядом с ней, вальяжно раскинувшись, сидели двое других сыновей. Их взгляды тут же вцепились в нас, оценивая, сканируя степень угрозы.

— Добрый день! — Умут, как всегда, был сама светскость, его голос разрезал тишину первым, снимая неловкость.

— Добро пожаловать! — проскрипел Арслан ага.

Он поднялся со своего места. Медленно, тяжело, с натугой опираясь на трость. Каждое движение давалось ему с трудом, но глаза... Глаза старого лиса сверкали цепко и молодо. Он

указал костлявой рукой на пустующий диван напротив, приглашая нас сесть в этот импровизированный партер.

— Проходите, присаживайтесь, — его тон был обманчиво мягок, но я слышал в нём стальной приказ.

Затем он обернулся к супруге, и голос его стал будничным, точно речь шла о погоде, а не о встрече, которая решит их судьбу:

— Чичек, попроси приготовить нам турецкий кофе.

Женщина покорно, словно тень, поднялась с места.

— Хорошо, Арслан, — прошелестела она и поспешила удалиться, бросив на нас мимолётный, полный смутной тревоги взгляд.

Я проводил её глазами и снова посмотрел на старика. Он и не подозревает, что кофе мы будем пить уже на руинах его империи.

Мы с Умутом заняли свои позиции на диване. Я не спеша, с ледяным спокойствием хирурга перед операцией, положил папку с документами на стеклянный столик прямо посередине. Ту самую папку. Тяжёлую, как топор палача. И стал ждать. Арслан ага не заставил томиться долго — старый лис чуял опасность, но пока не понимал, откуда она исходит.

— Эмре бей, как долетели? — его голос сочился приторной, дежурной вежливостью. Сладкий яд, прикрытый улыбкой.

— Благодарю, полёт прошёл штатно, — ответил я тем же тоном. Словно два клинка скрестились в воздухе, не издав ни звука.

И тут в разговор вклинился мужчина, сидевший по левую руку от старика. Один из сыновей. Глазки у него уже горели алчным блеском, он явно видел в нас не людей, а мешки с деньгами.

— Эмре бей, хотел бы поинтересоваться, — он наклонился вперёд, плотоядно сверкая зрачками, — как человека, владеющего самой крупной фармацевтической корпорацией в Турции, заинтересовал наш скромный логистический бизнес?

Я позволил себе лёгкую, едва заметную усмешку.

— Всё просто. Это выгодно для моего бизнеса. Помимо партнёрства и моей поддержки в решении ваших проблем, я обретаю ещё и надёжного перевозчика для моих лекарственных препаратов. Симбиоз, господа.

— Умно... — выдохнул он, и в его глазах заплясали цифры будущей прибыли. Он даже не пытался скрыть свою жадность. Идиот.

В этот момент в гостиную бесшумно скользнула девушка с подносом. Кофе. Густой, чёрный, дымящийся. Она расставила крошечные чашки перед каждым из нас, добавила на стол вазочки с угощениями и мгновенно исчезла, словно призрак, боящийся потревожить господ. Я взял чашку. Арслан ага взял свою. Он поднёс её к губам и сделал глоток. И в этот самый момент я понял: вот он. Тот самый миг. Час объявления войны пробил.

Я поставил чашку обратно на блюдце с тихим, зловещим стуком.

— Арслан ага, — мой голос был обманчиво мягок, как шёлк на дуле пистолета, — слышал, у вашей внучки сегодня состоится помолвка?

Старик оживился. В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость собственника, выгодно сбывающего товар.

— Да, верно, — он сделал паузу, смакуя момент. — Мы обзаведёмся ещё одним партнёром в бизнесе.

Вот он, значит, как. Партнёром. Конечно, обзаведётесь. Только не тем, на кого ставите, старый глупец.

— Арслан ага, — я вперил в него взгляд, из которого исчезла вся вежливость, остался только холодный, не терпящий возражений металл, — дело в том, что вы не сможете заключить сделку с вашими будущими родственниками.

В гостиной повисла звенящая тишина. Старик нахмурился, но предпочёл сделать вид, что не заметил угрозы в моём тоне.

— Отчего же не смогу? — спросил он с вызовом, всё ещё цепляясь за свою напускную важность.

Я выдержал паузу. Длинную, мучительную для него. А затем уголки моих губ дрогнули в хищной усмешке.

— Арслан ага, вы ведь читали вчерашний документ, на котором ставили свою подпись?

Он напрягся. Я увидел, как дрогнула старческая рука, сжимающая чашку. Мышцы на его лице закаменели. А я решил добить. Контрольный выстрел в лоб его самоуверенности.

— Дело в том, что вчера вы передали мне абсолютно весь ваш бизнес.

Тишина взорвалась.

— Что ты сказал, щенок?! — взревел он, багровея на глазах. Его голос сорвался на хрип, трость грохнула об пол. Маска вежливости разлетелась вдребезги, обнажив звериный оскал загнанного в угол хищника.

И тут в наступившей тишине раздался голос Умута. Мягкий, театральный, пропитанный убийственным сарказмом. Он картинно покачал головой, изображая святую печаль.

— Ай-ай-ай, как невежливо так общаться с гостем... — он цокнул языком, глядя прямо в налитые кровью глаза старика. — Вас что, совсем не учили, что необходимо читать документы, прежде чем ставить подпись?

Умут откинулся на спинку дивана, наслаждаясь произведённым эффектом. А я смотрел на Арслана и чувствовал, как внутри разгорается холодное, тёмное пламя. Первый камень лавины сорвался. Теперь всё. Теперь бойня началась.

Я поднял руку в примирительном жесте — неторопливо, холодно, будто умирал разбушевавшегося цепного пса. Мой голос зазвучал ровно, почти вкрадчиво, разрезая раскалённый воздух гостиной словно скальпель.

— Арслан ага, давайте спокойно обсудим ситуацию. У каждого из нас были свои цели при заключении этого контракта. У вас — спасти семью. У меня...

Договорить мне не дали. Воздух взорвался. Старик побагровел так, что на висках вздулись толстые, синие вены. Его глаза, ещё минуту назад источавшие ледяное презрение, теперь пылали безумным, животным огнём. Трость с грохотом ударила в мраморный пол, эхо заметалось по гостиной, словно выстрел.

— ТЫ!!! — его голос сорвался на визгливый, срывающий прокладку рык. — Ты со мной в игры вздумал играть, щенок недоделанный?! Мальчишка! Сопляк! А ну пошёл вон отсюда! ВОН!!!

Он брызгал слюной, его трясло от ярости, как в лихорадке. Сыновья за его спиной вскочили, сжав кулаки, готовые броситься на нас. Но я не шевельнулся. Даже бровью не повёл. Сидел, как скала, вальяжно откинувшись на спинку дивана, и смотрел прямо в его перекошенное ненавистью лицо.

— Я уничтожу тебя! — орал он, захлёбываясь собственной желчью. — Я докажу, что эта сделка недействительна! Подлог! Мошенничество! Ты сгниёшь за решёткой, слышишь меня?! Я сотру тебя в порошок, щенок!

Я дал ему проораться. Да наораться вдоволь. Его крик повис в воздухе, отражаясь от высоких потолков, а когда наступила тишина, нарушаемая лишь его свистящим, надсадным дыханием, я заговорил. И мой голос был тише, чем шёпот смерти. Но именно он заставил всех замереть.

— Арслан ага, — я чуть наклонил голову, глядя на него, как энтомолог смотрит на жука, прищипленного булавкой к картону. — Не докажете. Даже не пытайтесь. Ваши юристы всё проверили, ваша подпись стоит, мои документы чище слёз младенца.

Я медленно, очень медленно поднялся на ноги. Теперь я смотрел на него сверху вниз. Старый, трясущийся, но всё ещё опасный зверь. Я позволил себе лёгкую, презрительную усмешку.

— Хотите со мной бодаться? — я развёл руками, словно приглашая его на ринг. — Да пожалуйста. Только учтите: ваш бизнес — это лишь вершина айсберга. Я разорю вас по судам, я сожгу вашу репутацию, я выпью вашу семью до дна. И когда вы останетесь ни с чем, без гроша в кармане, без этого дома, без ваших драгоценных партнёров — тогда, возможно, вы вспомните этот момент и пожалеете. Горько пожалеете.

Я сделал шаг вперёд и понизил голос до стального, интимного шёпота, который был слышен каждому в этой комнате. Слово змея зашипела.

— Но на вашем месте, старик, я бы выслушал меня. Прямо сейчас. Потому что я предлагаю вам выход. Я великодушен. Если вы хотите вернуть свой бизнес обратно, вам всего лишь нужно выполнить мою маленькую... очень скромную просьбу.

Старик замер. Его грудь всё ещё вздымалась, как кузнечные меха, глаза горели лютой, бессильной ненавистью, но в них уже проступил липкий, вязкий страх. Он понял, что проиграл этот раунд вчистую. И теперь он стоял передо мной, вынужденный торговаться за то, что ещё вчера принадлежало только ему.

— Какую ещё просьбу... — прохрипел он, с трудом выдавливая каждое слово. — ...я должен выполнить в обмен на СВОЙ бизнес?

Я улыбнулся. Широко, открыто, но в моей улыбке не было ни капли тепла. Только торжество. Только холодная, выверенная, беспощадная месть.

— Вот так-то лучше, Арслан ага, — прошептал я, и в комнате стало холоднее, чем в склепе. — Вот так-то лучше. Теперь мы можем поговорить как деловые люди. Итак, слушайте мои условия

Я медленно, с грацией хищника, вернувшегося в свое логово, опустился обратно на диван. Откинулся на спинку, закинул ногу на ногу — сама картина абсолютного, непоколебимого контроля. Старик, напротив, рухнул на свой диван так, словно невидимая рука сломала ему позвоночник. Его спина осталась прямой, как шомпол, но в этой прямоте уже не было величия — только судорожная, загнанная в угол гордость. Каждый мускул на его лице был натянут до предела. Его сыновья сели следом, синхронно, словно марионетки, дёргающиеся за ниточки. В воздухе пахло озоном перед грозой.

Я обвёл их всех тяжёлым, ликующим взглядом и заговорил. Мой голос звучал размеренно и чётко, словно зачитывался приговор, не подлежащий обжалованию.

— Арслан ага, мои условия для возвращения вам вашей компании. Слушайте внимательно, дважды повторять я не намерен. Первое. — Я выдержал паузу, наслаждаясь тем, как они затаили дыхание. — Я женюсь на вашей внучке.

В тот же миг я увидел, как алчно загорелись глаза у его сыновей. Жадные, голодные шакалы! В их тупых головах уже пронеслась мысль, что я клюнул на их лощёных дочерей, на этих змей, что ползают по светским приёмам. Алтай даже привстал, готовый уже торговаться и набивать цену за свой товар. Я с наслаждением разбил их мечты вдребезги.

— Я женюсь на Лейле.

Эффект был подобен разорвавшейся бомбе. Имя повисло в воздухе, словно пощёчина. Тишина лопнула возмущённым хором.

— На Лейле?! — переспросил один из сыновей, его лицо вытянулось в гримасе безразличного недоумения, будто ему предложили взять в жёны прокажённую.

— Но у неё сегодня помолвка с Инаном! — прорычал второй, сжимая подлокотник дивана. Его зрачки бешено заметались, высчитывая убытки. — Всё уже готово! Гости приглашены! Это удар по нашей чести! Ты понимаешь, что требуешь, наглец?!

Алтай, старший из выводка, шагнул вперёд, прижав руку к груди в фальшивом жесте отеческой заботы:

— Послушай, Эмре бей! Зачем тебе Лейла? Она же никто! Тихая, никчёмная мышь, позор этой семьи. Лучше возьми в жёны мою старшенькую! Она красавица, образована, умеет вести себя в обществе. Вот это партия, достойная такого человека, как ты! А Лейла... — он скривился, даже не скрывая отвращения, — ...она же даже слова лишнего сказать не смеет. Она тебе наскучит через день!

Я медленно перевёл взгляд на Алтая. В моих глазах не было ничего, кроме ледяной, бездонной пустоты. И этот взгляд заставил его осечься на полуслове, захлопнуть рот и отступить на шаг.

— Я озвучил условия, — отчеканил я, и каждое слово падало тяжело, как надгробный камень. — И они не обсуждаются. Арслан ага, решение за вами. Но не затягивайте. Моё терпение — ресурс исчерпаемый, а время работает против вас.

Старик замер. Он сидел, не шевелясь, и смотрел в одну точку на стене. Минута. Две. Три. Пять долгих, мучительных минут, наполненных только тиканьем часов на каминной полке и тяжёлым, свистящим дыханием старого аги. Он даже не моргал. Казалось, сама смерть накрыла его своей тенью, пока он пересчитывал в голове все свои потери. Лицо его превратилось в серую, потрескавшуюся маску бессильной ярости. Он проиграл. И он это знал.

Наконец, он отмер. Его веки дрогнули, и он впился в меня взглядом, полным такой концентрированной, обжигающей ненависти, что любой другой на моём месте отшатнулся бы. Но не я. Я встретил этот взгляд с той же холодной, стальной улыбкой. Он смотрел на меня, как смотрит смертельно раненый лев на охотника, который уже загнал его в капкан. С ненавистью, с болью, но с осознанием полного и безоговорочного поражения.

— Хорошо, — прохрипел он наконец. Голос был сухим, надтреснутым, словно треск ломающейся кости. — Я отдам тебе Лейлу.

Слова упали в тишину, как комья земли на крышку гроба. Его сыновья застыли с открытыми ртами, не веря своим ушам. А я позволил себе ещё одну улыбку. Тонкую, острую, как лезвие бритвы. Свершилось. Я только что вырвал у этого старого паука его самую ценную пешку и растоптал его союз с Инаном. И это только начало. Только первый глоток мести, который оказался слаще самого дорогого вина.

Глава 3 Никто не заметил моего ухода

Лейла

Завтрак закончился, и я, словно тень, выскользнула из-за стола. Никто не окликнул, никто не заметил моего ухода. Да я и не ждала. Мне нужно было подумать. О чём? Я и сама толком не знала. Мысли путались, разбегались испуганными птицами. Наверное, о том, как вести себя с Инаном Джеллатом. Как смотреть ему в глаза. Как дышать рядом с человеком, которого мне навязали, даже не спросив. А ещё... ещё я хотела дописать последнюю страницу своего дневника.

Моего единственного убежища. Только там, среди мятых, исписанных дрожащим почерком страниц, я могла быть собой. Только там я могла излагать всё, что клокотало и тлело в моей душе — без страха, без оглядки на деспотичного деда, на презрительные ухмылки кузин, на ледяное безразличие остальных. Только там я могла плакать навзрыд, не пряча лица. Могла радоваться крошечным, невидимым миру победам. Могла смеяться — тихо, украдкой, но искренне. В этом доме, среди холодного мрамора и фальшивой позолоты, для меня всё было под запретом. Эмоции — непозволительная роскошь. Но та потрёпанная тетрадка в мягкой обложке стала моим настоящим домом. Не эти стены, пропитанные презрением, в которых я жила, а хрупкие листки блокнота, которые однажды, я знала это точно, превратятся в пепел. Стоит деду узнать — и от моего мира не останется ничего. Да и от меня самой, наверное. В этих стенах и не запомнят, что я когда-то жила. Что дышала, мечтала, надеялась.

Я излила душу своему молчаливому другу. Слова вытекали из меня вместе с болью, оставляя после себя горькое, но чистое опустошение. Я уже закрывала блокнот, пряча его в надёжный тайник между матрасом и деревянной рамой кровати, когда в дверь постучали. Сердце ёкнуло и упало в пятки. Я выпрямилась, нацепила на лицо привычную маску покорности и тихо бросила:

— Войдите.

В комнату вплыла тётя Ирэн, жена дяди Акифа. Она переступила порог так, словно ступала не по старому паркету, а по грязной луже. Её надменный взгляд обвёл мою скромную, но уютную комнатушку с откровенной брезгливостью. Она смотрела на стены, на книги, на меня — и на её холёном лице читалась одна-единственная мысль: «Какая убогая дыра». Пару секунд она просто молчала, упиваясь собственным превосходством, а затем случилось невероятное. Её лицо преобразилось. Маска льда треснула, и на смену ей пришла приторная, слащавая, абсолютно фальшивая улыбка. Я даже опешила от такой резкой перемены. Но уже в следующее мгновение всё встало на свои места.

— Лейла, милая моя! — пропела она ангельским голосом, от которого у меня чуть зубы не заныли. — Пришли стилисты, чтобы собрать тебя к помолвке. Ты должна блистать, дорогая!

Вот оно что. Товар нужно упаковать по красивее перед продажей.

— Хорошо, тётя, — покорно, почти беззвучно ответила я, опуская глаза. Не спорить. Не перечить. Моя обычная роль.

Дверь снова открылась, и в комнату вереницей вошли четыре человека. Я растерянно заморгала. Четыре? Зачем так много для одной меня? Но объяснение последовало незамедлительно. Высокая, уверенная в себе женщина шагнула вперёд и представилась:

— Лейла ханым, меня зовут Ада, я займусь вашими волосами. Это, — она жестом указала на девушку с огромным чемоданчиком, — Сера, она займётся вашим макияжем. Элиф, — кивок в сторону другой девушки, — приведёт в порядок ваши руки. А это Эда, — она указала на женщину рядом с собой, — она подберёт вам платье, обувь и аксессуары. Мы сделаем всё в лучшем виде, не волнуйтесь.

— Хорошо, благодарю вас, — я вежливо кивнула, но мой взгляд уже скользнул к тётё Ирэн, которая стояла, сложив руки на груди, с видом надсмотрщика. И тут в моей голове вспыхнула мысль. Дерзкая, острая, совершенно мне не свойственная. А почему бы и нет? Терять мне всё равно уже нечего. Я повернула голову к тётё и с самой невинной, ангельской улыбкой, на которую только была способна, произнесла:

— Моя любимая тётушка Ирэн, будьте так добры, принесите нам, пожалуйста, четыре кофе. И подготовьте сладости. Девушкам предстоит долгая работа, им нужно подкрепиться.

Повисла пауза. Звенящая, густая, как сироп. Ирэн перевела на меня ошарашенный, почти убийственный взгляд. Такой, от которого раньше у меня кровь стыла в жилах. В её глазах горела смесь ярости и унижения. Кто я такая, чтобы приказывать ей, жене Акифа?! Она открыла было рот, чтобы испепелить меня на месте, но я продолжала смотреть на неё всё с той же невинной улыбкой. Страшно ли мне было? Нет. Абсолютно плевать. Это было моё маленькое, сладкое прощание. Я не могла не поиздеваться над этими надменными, чёрствыми людьми напоследок.

Тётя, так и не найдя слов, резко развернулась и вышла из комнаты, едва не хлопнув дверью. Девушки-стилисты принялись деловито раскладывать свои принадлежности, щётки, баночки, фены. Эда удалилась и уже через семь минут вернулась в сопровождении троих человек, нагруженных вешалками с платьями в чехлах. Я смотрела на это столпотворение с лёгкой оторопью. Потом принесли горы коробок и ещё пару чемоданов. Моя скромная комната превратилась в филиал модного салона.

Через десять минут в дверь тихо постучали. Вошла Сезен с подносом, уставленным чашечками дымящегося кофе и тарелочками с пахлавой. Ну, конечно. А чего я ждала? Что белоручка Ирэн сама, своими холёными пальчиками, подаст нам кофе? Да ни за что на свете. Смешно.

— Спасибо, моя Сезен! — сказала я, и моя улыбка стала искренней, настоящей. Той, которую я берегла только для неё.

— Всегда рада вам помочь, моя госпожа Лейла! — тихо ответила девушка, ласково коснулась моего плеча и тут же исчезла за дверью, не желая мешать.

И в этот миг на меня накатила такая тоска, что перехватило дыхание. Я уйду из этого дома. Вырвусь из этой золотой клетки. Но вместе с ненавистными стенами я покину и её. Сезен. Единственного человека, с которым мне было легко, комфортно и интересно. Она была ко мне добра, ничего не требуя взамен. Она видела во мне не товар, не обузу, не позор семьи, а просто Лейлу. Живую, настоящую Лейлу, которая любит смеяться и мечтать. И без неё, в новом, пугающем мире моего будущего мужа, мне будет невыносимо, чудовищно, бесконечно одиноко.

Я слотнула комок слёз, подступающий к горлу, и снова нацепила маску. Не время плакать. Товар должен быть красивым. Помолвка не ждёт.

Три часа. Три бесконечно долгих, выматывающих часа меня собирали, как дорогую фарфоровую куклу, предназначенную для чужой витрины. Когда стрелки часов неумолимо подползли к пяти вечера, последняя заколка была водружена на место, последний штрих нанесён. Девушки, тихо переговариваясь, собрали свои бесчисленные чемоданчики, щётки и баночки, вежливо попрощались и гуськом покинули мою комнату. Дверь за ними закрылась с мягким, почти неслышным щелчком, и я осталась одна. В оглушительной, звенящей тишине.

Я медлила. Боялась. Не знаю, чего именно. Наверное, увидеть ту незнакомку, которую они из меня сотворили. Я подошла к большому, в пол, зеркалу, что стояло возле старого платяного шкафа, зажмурилась на секунду, а потом резко распахнула глаза. И замерла. Дыхание перехватило. Из зеркальной глади на меня смотрела она. Совершенно чужая, незнакомая, ослепительная девушка. Это была не я. Не та забитая, тихая Лейла, что привыкла жаться к стенам и опускать взгляд. На меня смотрела уверенная в себе девушка. Смелая. Яркая. Её

спина была прямой, подбородок чуть приподнят, а в глубине зелёных глаз, казалось, плясали искры вызова.

Мои светлые волосы, которые я обычно стягивала в скучный пучок, теперь мягкими, блестящими волнами ниспадали на плечи. А глаза мои зелёные глаза, которые брат Исо в детстве называл «мои изумруды», сияли так, словно в них вставили драгоценные камни. Визажистка потрудилась на славу, подчеркнув их глубину. «Мой изумруд», — эхом отозвался в памяти ласковый голос брата, и сердце тут же сжалось от боли. На мне было одето платье молочного цвета, лёгкое, воздушное, струящееся до самого пола. Ткань, невесомая и нежная, стекала по фигуре, как облако. Длинные рукава из тончайшего кружева обнимали мои руки, и сквозь них загадочно просвечивала кожа. Я покрутилась перед зеркалом, и платье взметнулось вокруг меня волной.

«Прямо свадебное», — пронеслась в голове горькая, как полынь, мысль. Для помолвки? Нет. Дед не стал экономить. Он вложил в меня по полной, как вкладываются в породистую лошадь перед престижными скачками. Я должна была стать идеальной картиной, живым доказательством его статуса и его лживой «заботы». Вот и расщедрился старый скупец. Не ради меня, конечно же. Ради себя. Ради того, чтобы потешить свою гордыню и показать всем людям, как хорошо мне тут жилось в золотой клетке. Я смотрела на эту прекрасную, дорогую обёртку и чувствовала, как слёзы подступают к горлу. Какая ирония. Я никогда ещё не выглядела такой красивой снаружи и такой разбитой, опустошённой внутри.

Я вздрогнула всем телом, когда в дверь внезапно постучали. Стук был тихим, неуверенным, и от этого ещё более душераздирающим. Я знала этот стук.

— Войдите, — прошелестела я, с трудом отрывая взгляд от незнакомки в зеркале.

Дверь медленно, со скрипом отворилась. На пороге стояли мама и Исо. Мой брат был напряжён, как натянутая тетива. Его сжатые челюсти и побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в дверной косяк, выдавали едва сдерживаемую бурю. А мама О, мама Её лицо было спокойным, но я слишком хорошо её знала, чтобы обмануться. Её выдавали глаза. Огромные, тёмные, полные такой глубокой, застарелой, неизбывной печали, что у меня внутри всё оборвалось. Она смотрела на меня — на этот разукрашенный товар, на эту красивую оболочку её дочери — и в её взгляде читалась безмолвная, душераздирающая агония. Мы застыли втроём посреди комнаты, и тишина была громче любого крика. Мы не говорили. Слова были не нужны. Мы просто прощались.

— Сестрёнка... — голос Исо прозвучал не как слово, а как хриплый, надломленный стон раненого зверя.

Я подняла на него глаза и мир рухнул. По его щеке, обветренной и такой родной, скатилась одна-единственная, тяжёлая, как ртуть, слеза. Она проггла дорожку на его коже и упала в пустоту, а моё сердце разлетелось на миллион кровотокающих осколков. Мой сильный, мой гордый брат плакал. Из-за меня. Из-за этого проклятого дома, из-за нашей никчёмной, искалеченной судьбы. Я думала, что готова ко всему, но эта слеза сломала во мне что-то и одновременно собрала заново.

— Исо, милый, не нужно! — я сорвалась с места и обхватила его руками, прижав к себе изо всех сил, словно пытаюсь вдавить свою любовь прямо в его измученное сердце. Он был выше, шире в плечах, но сейчас дрожал в моих объятиях, как ребёнок. — Со мной всё будет в порядке, вот увидишь! Я обязательно... слышишь меня? Обязательно! Я стану счастливой! Назло им всем!

Я отстранилась, взяла его горячую, влажную от слёз руку в свою, а второй нащупала мамину ладошку — сухую, прохладную, дрожащую. Я сжала их обе. Крепко. До побелевших костяшек. Передавая им всю свою ярость, всю свою волю, всю свою клятву без слов. Я сильная. Я справлюсь. Да, я уже свыклась с мыслью, что моим мужем станет этот пёс Джеллат. Свыклась, как свыкаются с хронической болью. Но я не сдалась! Я не сломаюсь! Я буду бороться за свою

свободу зубами и когтями! Я буду грызть этот бетон, я буду рвать эти цепи, я вытащу их из этого ада, даже если ради этого мне придётся пройти по колену в крови! Я уничтожу деда. Разорву его империю в клочья. Превращу его жизнь в такой кошмар, что он взмолится о пощаде. Просто надо проявить терпение. И совсем немного, самую каплю, дьявольской хитрости. Я стану змеей в их райском саду.

— Мамочка, — я перевела дыхание и заглянула в её заплаканные глаза, пытаюсь силой мысли вбить в неё свою веру. — Я всё смогу, слышите? Я ради вас всё выдержу. Вытерплю. Выстою. Я стану сильной. Стану такой сильной, что они все подавятся. Вы главное тут не плачьте, не переживайте. Хорошо? Обещайте мне.

— Девочка моя... — её голос был тихим, как шелест пепла. — Я всегда буду за тебя переживать. Даже когда ты станешь сильной. Даже когда меня не будет. Так уж устроено материнское сердце.

Она мягко, но настойчиво взяла меня за руку и усадила в кресло. А сама опустилась на корточки передо мной — маленькая, хрупкая, но в этот момент великая в своей любви. Она взяла обе мои ладони в свои и начала покрывать их поцелуями. Быстрыми, горячими, мокрыми от слёз. Целовала каждый палец, каждую костяшку, словно пыталась забрать себе всю мою боль. Затем она подняла на меня свои воспалившиеся, красные, но сухие от непролитых за много лет слёз глаза.

— Милая моя... — прошептала она, и её голос сорвался. — Я помню, как в роддоме мне впервые положили тебя на грудь. Ты была такой крошечной, такой беззащитной. И тогда я дала себе клятву. Страшную, святую клятву, что всегда буду тебя защищать. От всего мира. От ветра, от злого слова, от боли. Прости меня, родная... — её голос преломился, как сухая ветка. — Я не сдержала её. Прости свою слабую мать. Ты сильнее меня, я всегда это знала. Но я так бесконечно, так невыразимо рада, что ты появилась в моей жизни... Моя малышка... Я очень тебя люблю.

— И я тебя очень люблю, мамочка моя... — выдохнула я и рухнула к ней на плечо, спрятав лицо. Нельзя, чтобы она видела, как к моим глазам подступают предательские, жгучие слёзы. Я должна быть скалой. Я должна...

Дверь в комнату взорвалась грохотом. Она не открылась — она влетела внутрь, словно выбитая пинком. На пороге стоял дядя Алтай. Я бросила на него один короткий взгляд и сжалась всем телом. Инстинктивно. Как жертва сжимается при виде хищника, занёсшего когтистую лапу. Он был зол. Нет. «Зол» — это слишком мягкое, слишком человеческое слово. Он был в бешенстве. В диком, животном, неконтролируемом бешенстве. Его лицо перекосила гримаса, глаза горели адским пламенем, на скулах ходили желваки. Что я натворила? Что?! Инан Джеллат отказался от помолвки? Эта змея Ирэн пожаловалась на мою дерзость с кофе? Мысли проносились в голове паническим роем, но тело уже окаменело.

Он сделал шаг ко мне — тяжёлый, угрожающий. И в этот момент мама, моя хрупкая, измученная мама, встала, между нами. Закрыла меня собой. Как львица, заслоняющая детёныша.

— Саян, отойди... — прошипел он, и в его голосе не было ничего человеческого. Только яд и угроза.

— Нет, брат, не отойду! — её голос звенел от напряжения, но не дрогнул. — Сначала скажи, что случилось!

Он сузил глаза в две смертоносные щёлочки. И в следующую секунду, даже не удостоив её ответом, он отшвырнул её. Просто оттолкнул, как отбрасывают надоевшую тряпку. Я увидела, как мама, вскрикнув, рухнула на пол, ударившись плечом. Мир окрасился алым.

— МАМА! — я рванулась к ней, забыв обо всём.

Но он перехватил моё запястье. Стальной хваткой, грубо, безжалостно. Резко дёрнул на себя, так, что хрустнули суставы. А затем... звонкая, хлесткая, оглушительная пощёчина обру-

шила на мою щеку. Голова отшатнулась в сторону, перед глазами вспыхнули искры. Я увидела себя в зеркале. Увидела, как горит алым след от его ладони. И как в уголке моего рта, медленно, тягуче, проступает капля крови. Он не дал мне опомниться. Схватил за другую руку, рванул обратно и вклеил вторую пощёчину — с ещё большей силой, с оттяжкой. Звук был такой, словно треснуло сухое дерево. Но я не заплакала. У меня не было слёз. Только холод. Только ледяная, кристальная ясность.

— Маленькая дрянь! — прорычал он сквозь стиснутые зубы, брызгая слюной. — Пошли, тебя хочет видеть дед!

Тут брат, очнувшись от шока, подлетел к нему. В глазах Исо горел такой же огонь, какой, наверное, пылал в моих. Огонь войны.

— Дядя, отпусти её! — Исмаил схватил Алтай за плечо, пальцы впились в дорожную ткань пиджака.

— Ты, сопляк, вообще не лезь! — Алтай выплюнул эти слова прямо в лицо брату, презрительно, уничтожающе.

Я встретилась взглядом с Исо. В его глазах стояла безмолвная мольба и готовность убивать. Я мягко, едва ощутимо потрепала его по горячей, напряжённой щеке.

— Исо, всё в порядке, — прошептала я разбитыми губами, чувствуя металлический привкус крови. — Всё в порядке.

Его взгляд упал на моё запястье. На багровые, вспухающие следы от железной хватки Алтай. Я увидела, как расширились его зрачки от ужаса и бессильной ярости. Но я одёрнула руку, спрятала улику. Не сейчас. Наша битва впереди. И я покорно, гордо выпрямив спину и не опуская головы, пошла за дядей вниз. Навстречу старику. Навстречу своей судьбе. С кровью на губах и пламенем в сердце.

Мгновение — и его пальцы сомкнулись на моём запястье, словно стальной капкан. Он потащил меня к лестнице грубо, безжалостно, как тащат на бойню упирающуюся скотину. Я едва успевала перебирать ногами, спотыкаясь о подол собственного платья, этого чёртова молочного савана, в который меня упаковали. Ступеньки мелькали перед глазами, сердце колотилось где-то в горле, но я стиснула зубы и заставляла себя идти. Быстро. Не падать. Не показывать слабость.

Едва мы спустились в холл, как его хватка переместилась. Он схватил меня за волосы. Грубо, по-звериному, наматывая светлые пряди на кулак, и потащил в гостиную, словно опозоренную, падшую девушку, словно преступницу, посмевающую запятнать честь их драгоценной фамилии. Острая, обжигающая боль пронзила кожу головы, тысячи иголок впились в затылок. Я закусила губу, ту самую, из которой всё ещё сочилась кровь, чтобы не закричать. Не доставлю им такого удовольствия. В моей голове пульсировал один-единственный вопрос: «Что я сделала? Что?! Какой грех я совершила на этот раз, что заслужила этот ад?». Но задавать его вслух я не стала. Зачем? Меня в любом случае ждёт наказание. Справедливость в этом доме умерла задолго до моего рождения.

Мы ворвались в гостиную. Тот самый зал, что был разукрашен к помолвке, теперь напоминал не место для праздника, а зал суда. Или место казни. В воздухе висела удушающая, звенящая тишина. На диванах, словно статуи с острова Пасхи, замерли дед, дядя Акиф, дядя Алтай... и ещё двое. Двое незнакомых мне мужчин. Я не успела их толком разглядеть, потому что Алтай, протащив меня через всю гостиную, с силой швырнул меня на пол. Я рухнула на колени прямо перед ними, как кость, брошенная цепным псам. Как мешок с мусором. Как вещь.

Ладони обожгло болью от удара о паркет. Но я не заплакала. Ни единой слезинки. Только спокойствие. Глубокое, тёмное, ледяное спокойствие на самом дне моей души. Дядя Алтай, тяжело дыша, прошагал к своему месту и сел. А я... я медленно, очень медленно поднялась. Сначала одно колено, затем второе. Отряхнула платье. Откинула волосы назад, поправив

растрёпанную, измятую его погаными пальцами причёску. Кончиками пальцев стёрла кровь, запекшуюся в уголке разбитых губ. Выпрямилась во весь рост. Расправила плечи. Я не жертва. Я не сломленная кукла. Я — Лейла. И я выстою.

Я повернулась к деду и заговорила. Мой голос был тих, но твёрд, как алмаз.

— Дедушка, вы хотели меня видеть?

Он сверлил меня взглядом, полным такой жгучей, концентрированной ненависти, что любой другой на моём месте рассыпался бы в прах.

— Да, Лейла, хотел, — процедил он яростным, клокочущим тоном, едва сдерживая бурю.

— Скажи мне, маленькая ты дрянь, откуда у тебя телефон?

Я расширила глаза. Что? Телефон? Какой, к чёрту, телефон?! У меня нет никакой связи с внешним миром, меня лишили этого права много лет назад, заперев в четырёх стенах! Я живой человек, но у меня меньше свободы, чем у уличной кошки!

— Дедушка, какой телефон? — спросила я, и моё искреннее, неподдельное изумление прозвучало громче любых оправданий.

— Ну ты же как-то связалась с этими молодыми людьми, чтобы я не смог выдать тебя за Инана замуж! — прорычал он, указывая на незнакомцев. — Ты опозорила меня! Решила идти против семьи?!

— Че... чего? — выдохнула я, переваривая абсурдность обвинения.

Я медленно, всё ещё не веря своим ушам, повернула голову в сторону незнакомых мужчин. Теперь я разглядела их. Один сидел вальяжно, с ленивой, но хищной грацией, словно большая кошка, наблюдающая за мышью в вознёй. Второй — тот, что сидел ближе ко мне — был жестче. У него был острый, пронзительный взгляд и лицо человека, который привык получать всё, что захочет. Я посмотрела ему прямо в глаза — без страха, без кокетства, просто с пустотой.

— Я этих людей вижу впервые, — произнесла я чётко, громко, чеканя каждое слово. — Я понятия не имею, кто они.

Дед открыл было рот, чтобы обрушить на меня новый поток брани и обвинений, но... молодой человек, что сидел ближе ко мне, лениво поднял руку, обрывая его на полуслове. Жест был небрежным, но в нём чувствовалась такая стальная воля, что даже дед осёкся. Представляете? Арслан Чиллер заткнулся по щелчку пальцев незнакомца. Это было... невероятно.

— Арслан ага, — голос незнакомца был мягким, обволакивающим, но в нём звенел лёд. — Вы, верно, неправильно меня слышали, да?

Он склонил голову набок, как хищник, изучающий глупую, попавшую в капкан дичь. А затем резко выпрямился, и его тон стал жёстким, как удар бича. Он обвёл взглядом всех собравшихся мужчин, и каждый под этим взглядом съёжился.

— Значит так, мужчины, слушайте меня внимательно. Я повторяю один раз, и только для того, чтобы между нами не осталось неясностей. Вашу внучку и племянницу, — он бросил на меня короткий, ничего не выражающий взгляд, — я слышу и вижу впервые в жизни. Но это, — он сделал паузу, от которой воздух в гостиной, казалось, сгустился до состояния бетона, — не помешает мне взять её в жёны.

Чего?! В жёны?! Земля ушла у меня из-под ног. Сначала меня насильно тащат под венец с псом Джеллатом, а теперь какой-то незнакомец, ворвавшийся в наш дом как ураган, заявляет на меня права, даже не зная моего имени?! Да что здесь, чёрт возьми, происходит?!

Незнакомец поднялся. Медленно, величественно. И продолжил, вперив свой ледяной взгляд в побледневшего деда:

— Моя проблема — это не ваша семья. Вы сами, своими же руками, выстелили мне красную дорожку к грядущей войне, когда решили отдать вашу внучку Джеллату. А так как она очень запала в душу этому псу... — он осёкся и поморщился, словно от отвращения. — Так вот, я её заберу. Это не просьба. Это констатация факта.

Он сделал несколько шагов и встал прямо напротив Алтая. Мой мучитель, ещё минуту назад пышущий яростью и силой, сейчас вжался в спинку дивана, побледнев как полотно.

— При передаче обратно вашей компании в договоре будет один небольшой, но очень важный пункт, — незнакомец говорил почти ласково, но от этой ласки мороз пробирал до костей. — Вы не сможете заключить партнёрство с семьёй Джеллатов. Ни сейчас. Ни через десять лет. Никогда. А сейчас...

Он наклонился вперёд, приблизив своё лицо к лицу Алтая, и его голос упал до интимного, смертоносного шёпота:

— А сейчас я спрошу тебя, Алтай... какую из твоих рук тебе сейчас сломает твой родной брат, Акиф?

Вопрос повис в воздухе, словно лезвие гильотины. В гостиной воцарилась гробовая тишина. Алтай, заикаясь, переводил обезумевший взгляд с незнакомца на своего брата. А я стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела на этого опасного, страшного, невероятного человека, который только что объявил себя моим будущим мужем. И понимала: моя жизнь только что сделала поворот на сто восемьдесят градусов. И выживу ли я в этом новом шторме — не знает никто.

— За... зачем м... мне ломать ему ру... руку? — заикаясь, едва ворочая языком от ужаса, выдавил из себя дядя Акиф. Его лицо приобрело землисто-серый оттенок, а глаза беспомощно заматались между братом и незнакомцем, словно он надеялся, что это какая-то дурная, затянувшаяся шутка.

Незнакомец медленно, с пугающей грацией разъярённого тигра, наклонился к дяде Алтаю. Резким, молниеносным движением он схватил его за грудки, сминая дорогую ткань пиджака в безжалостный ком, и рывком поднял с дивана, словно тот ничего не весил. Алтай захрипел, его ноги беспомощно засучили в воздухе, а лицо исказилось гримасой животного, первобытного страха.

Мужчина приблизил своё лицо почти вплотную к его лицу, так, что они едва не соприкоснулись носами, и прорычал — нет, не прорычал, а прошипел, словно ядовитая змея перед смертельным броском. Его голос был тихим, интимным, но от этой тишины кровь стыла в жилах:

— Я тебя научу... — в его шёпоте клокотала такая концентрированная, неразбавленная ярость, что, казалось, сам воздух в гостиной раскалился добела. — Я тебя лично, своими руками научу одной простой истине. Мою невесту. Не смеет. Трогать. Никто. Ты, кусок дерьма, ты, жалкий червь, как ты посмел поднять на неё руку?! Ты кто такой?! Кто ты такой, чтобы прикасаться к тому, что принадлежит мне?!

Он встряхнул Алтая с такой силой, что у того лязгнули зубы. Мой мучитель, ещё несколько минут назад пышущий силой и безнаказанностью, сейчас жалко, по-бабьи всхлипывал, не в силах выдать ни слова в своё оправдание.

И в этот самый момент, когда напряжение достигло своего апогея, в гостиную, шатаясь, еле переступая ногами, вошла мама. А за ней — Исо. Мой брат был похож на сжатую пружину, готовую в любой момент разжаться и разнести здесь всё к чертям. Его глаза горели сухим, страшным огнём. Но я смотрела на маму. По её заплаканным, воспалённым глазам, по этой неестественной, пугающей решимости, застывшей на её бледном лице, я поняла: она что-то задумала. Что-то отчаянное. Что-то, что пугало меня больше, чем ярость деда.

И она рванула. Быстро, как раненый зверь, совершающий свой последний, самоубийственный бросок. Она подлетела к деду и, прежде чем кто-либо успел среагировать, вцепилась ему в горло обеими руками! Её тонкие, хрупкие пальцы сомкнулись на старческой шее с невероятной, нечеловеческой силой. Она трясла его, царапала ногтями, а из её груди вырвался крик — страшный, душераздирающий крик, который копился в ней долгие, бесконечные годы унижений и боли. Крик, от которого у меня кровь заледенела:

— ХВАТИТ!!! УБЕРИ РУКИ ОТ ЖИЗНИ МОЕЙ ДОЧЕРИ!!! ХВАТИТ!!! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, СТАРЫЙ ДЬЯВОЛ?! Я БОЛЬШЕ НЕ ДАМ ТЕБЕ ЕЁ ТРОГАТЬ!!!

— МАМА! — я сорвалась с места и бросилась к ней.

Я обхватила её за плечи, пытаюсь оттащить, развернуть к себе. Она сопротивлялась, билась в моих руках, как птица в силках, всё ещё пытаюсь дотянуться до деда. Старик, багровый от ярости и удушья, рванул в нашу сторону с перекошенным лицом, занеся трость для удара. Но тут второй незнакомец — с ленивой, издевательской грацией подорвался с дивана и встал на его пути, словно неприступная скала.

— Арслан ага, ну что же вы, — протянул он с ехидной, приторной улыбочкой, — в вашем-то возрасте вредно так много вставать. Суставы, знаете ли, уже не те. Да и бить женщин — это так... не по-мужски, вам не кажется?

Он повернулся к Исо, который стоял, сжав кулаки, готовый разорвать любого, кто приблизится к нам, и приподнял бровь.

— Да, брат? — спросил он у моего брата, словно они были старыми приятелями.

Ноздри деда раздулись до невероятных, уродливых размеров, он тяжело, со свистом дышал, и я видела в его глазах приговор. Маме явно потом будет плохо. За этот бунт он сотрёт её в порошок. Если только... если только эти люди не остановят его навсегда.

А затем незнакомец с улыбкой чеширского кота обратился к своему другу, который всё ещё держал Алтай за грудки:

— Эмре, а ты слышал одну старую, очень мудрую традицию? — спросил он друга с лёгким, издевательским смешком в голосе, который эхом разнёсся по мёртвой тишине гостиной.

— Какую же, брат мой? — отозвался Эмре, даже не повернув головы. Его взгляд, тяжёлый, как дуло пистолета, был всё так же прикован к трясущемуся Алтаю.

— Говорят, — второй незнакомец сделал театральную паузу, смакуя момент, — когда забираешь невесту из отчего дома... то её брат и мама едут с ней. Причём, — он резко подался вперёд и рявкнул последнее слово прямо в лицо ошеломлённому, задыхающемуся деду, — НАВСЕГДА!

Эмре наконец перевёл взгляд в нашу сторону. Короткий, быстрый, как вспышка молнии. Он посмотрел на меня — разбитую, с кровавой коркой на губе, но не сломленную. Посмотрел на маму — бунтарку, наконец-то расправившую плечи. Посмотрел на Исо — воина, готового умереть за свою семью. И в его глазах что-то промелькнуло. Что-то похожее на уважение.

— Да, — произнёс он твёрдо. — Ты полностью прав, Умут.

А затем он снова повернулся к своей жертве. Голос его стал жёстким, как крупнозернистый наждак.

— Значит так, Алтай. Слушай меня внимательно. Сейчас твой брат Акиф сломает тебе запястье. То самое запястье, которым ты хватал мою невесту. Которым ты бил её по лицу. Сломает быстро и чисто, если ты, конечно, не хочешь, чтобы это сделал я. А я, поверь, буду не так аккуратен. А затем, — он обвёл взглядом всё змеиное гнездо, — я расскажу вам все условия нашего соглашения. И если вы, ублюдки, не исполните мой приказ в точности... если хоть одна крыса в этом доме посмеет ослушаться... то боюсь, компанию я вам верну в таком состоянии, что вы взвоете. В ещё худшем варианте, чем забирал. Вы меня поняли?!

Тишина. Звенящая, гробовая, абсолютная. И в этой тишине раздался тихий, жалобный скулёж Алтай. А я стояла, обнимая маму, и смотрела на человека, которого только что объявили моим мужем. И впервые за этот бесконечно долгий, кошмарный день я почувствовала не страх. А что-то иное. Что-то, чему я пока не могла подобрать названия. Надежду? Защищённость? Или затишье перед ещё более страшной бурей? Я не знала. Но одно я понимала точно: прежний мир рухнул. И теперь на его обломках будет строиться что-то совершенно новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.